

Глава 1

«ПАРТИЗАНЫ СОРОК ПЕРВОГО»

июнь – декабрь 1941-го

– Он в партизанах с 41-го.
Когда ты гадал: чья возьмет,
он уже бил фашистов.
Комиссар Галодов – новичку.

Сопротивление чужеземцам обычно начинается как форма протеста против насилия, разграбления и мародерства. И если пришелец лютует, ведёт войну на истребление населения, это сопротивление обретает черты поистине общенародного сопротивления.

...Небольшой экскурс в историю. В Отечественную войну 1812 г. наполеоновские войска столкнулись сначала со стихийным народным сопротивлением, а затем – с организованным. В июле 1812 г. немало крестьян Белоруссии, Литвы, Смоленской, Калужской и Московской губерний с семьями и имуществом бежали в леса; там часть из них объединилась в партизанские отряды и выступила против французских грабителей и мародеров.

Но были и коллаборационисты, и просто предатели. Так, белорусская и литовская шляхта устраивала торжественные встречи и приемы по случаю прихода французов. Наполеон воспользовался этой поддержкой и своим приказом объявил о восстановлении Великого Княжества Литовского (ВКЛ) в составе четырех департаментов: Виленского, Минского, Гродненского и Белостокского. Тут же было создано Временное правительство «княжества», главной задачей которого была... поставка провианта для французской армии, организация народной гвардии и жандармерии.

13 июля 1812 г. Наполеон издал указ об организации литовской армии, назначил командиров полков. За время войны ВКЛ выставило шесть полков кавалерии, шесть полков пехоты и один полк стрельцов – общей численностью около 15 тысяч человек.¹ По мере продвижения французских войск в глубь страны русскую администрацию заменяла администрация «княжества». Во главе департаментов стояли французы, уезды делились

¹ Удача не была на стороне этого литовско-белорусского войска, недолго довелось ему повоевать: переход русской армии в наступление остановил его деятельность.

на дистрикты, а те в свою очередь на кантоны. Создавалась сельская администрация, а в городах муниципалитеты.

Наполеон получал и рекрутов и провиант.

26 августа 1812 г. началось Бородинское сражение. 2 сентября французы заняли опустевшую Москву.

По приказу Кутузова из состава военных частей выделялись отряды, которые действовали в тылу противника – своего рода **армейские партизанские отряды**. В сентябре 1812 г. в их составе находились 36 казачьих, 7 кавалерийских и 5 пехотных полков, 5 эскадронов и 3 батальона. Отрядами командовали генералы и офицеры: Давыдов, Дорохов, Сеславин, Фигнер и др. С помощью крестьян они внезапно нападали на оккупантов, уничтожали живую силу, нарушали связь с тылом, собирали и передавали командованию сведения разведки.

Примером эффективности действий **белорусских партизан**, помогавших российской армии, может быть отряд крестьян из д. Жарки Полоцкого повета. Эта деревня оказалась между двумя армейскими корпусами – французским и российским. Всё взрослое население деревни вместе с казаками участвовало в двух боях с захватчиками и вместе с дружинниками петербургского и новгородского ополчения освобождало Полоцк. 22 жителя деревни Жарки были награждены крестами и «Похвальными грамотами».

Правда и то, что «под шумок» крестьяне некоторых деревень Борисовского, Игуменского и др. поветов грабили помещиков, помогавших французам, нападали на хлебозапасные магазины, а иногда и пускали «петуха» – поджигали барские усадьбы.

6 октября под Полоцком произошло сражение русского корпуса генерала Витенштейна с французскими корпусами Удино и Сен-Сира, и на другой день русские войска ворвались в Полоцк. Началось освобождение Беларуси.

Отступая, французы на своем пути сжигали всё, что только могли, греясь у чудовищных костров. Жители Беларуси брались за оружие, оказывая помощь русской армии, и немало подалось в ряды армии в качестве волонтеров – добровольцев.

Во второй половине декабря 1812 г. остатки французской армии пешими через Неман в Пруссию – покинули пределы ВКЛ.

Беларусь вышла из войны разорённой и опустошённой. Полностью

были разрушены или сожжены Полоцк, Борисов и Кобрин. Немало разрушений было в Гродно, Витебске, Минске, Могилеве, Орше, Слониме.

*

22-го июня 1941 г. Первыми с оружием в руках захватчиков встретили бойцы и командиры Красной

Армии.

Прошла неделя, и Красная Армия отступает, идёт по бездорожью, по лесам, а немецкая – наступает, идёт по большим

дорогам, мало заботясь о том, что происходит на параллельных путях.

Многих – десятки тысяч – наших бойцов приютило бело-русское Полесье, и стали они «окруженцами».

«Окруженцы» объединятся в партизанские группы. К ним подключатся те, для кого приход гитлеровцев представлял непосредственную угрозу для жизни: партийные, советские, комсомольские и колхозные активисты. В какой-то мере эти люди руководствовались партийным и служебным долгом, а также патриотическими чувствами, замешанными на коммунистической идеологии. Но факт остается фактом: несколько тысяч бойцов первых партизанских групп создали в Беларуси очаги партизанского сопротивления. Из искр этих очагов разгорелась пламя всенародной партизанской борьбы.

Партизанские группы устраняли засады, сжигали мосты, с помощью простейших приспособлений пускали под откос железнодорожные эшелоны, осуществляли диверсии в городах и деревнях. Постепенно количество будет переходить в качество: партизанские группы станут объединяться в партизанские отряды, а придёт пора – появятся партизанские бригады и даже соединения.

Всё это будет у героев этой книги.

*

С октября 1940 г. старшина Владимир Дорогавцев с нетерпением ждал приказа об увольнении. Но в штабе почему-то не спешили с приказом.

Наконец вызвали старшину в штаб. Радостный Владимир предстал перед командиром части. А тот: *«Поздравляю с отпуском на 18 дней на Родину. А с демобилизацией придётся повременить – есть особые указания. Сам понимаешь, обстановка не та...»*.

В апреле 1941 г. Владимира снова вызвали в штаб. За столом сидели командир и комиссар авиабазы. Сообщили, что на него, старшину – техника-интенданта 2-го ранга – уже готово представление на присвоение звания лейтенанта: и служит он безотказно, и образование хорошее имеет (средняя школа и два курса горного института).

А еще через месяц Дорогавцева назначили заместителем начальника продовольственной службы батальона аэродромного обслуживания, что стоял недалеко от Вильнюса и обслу-

живал полк истребительной авиации, находившийся на лагерном положении.

...22 июня около трёх часов утра оглушительно завывала сирена. Батальон выбежал из казарм.

Немецкие самолеты сбросили зажигательные бомбы и улетели. Над городком запылал пожар.

Личный состав авиабазы, получив оружие и боеприпасы, занял круговую оборону.

В десять часов утра снова появились вражеские самолеты. На этот раз они выбросили десант.

Десантники вплотную подошли к аэродрому. Завязалась интенсивная перестрелка. Но огонь со стороны защитников аэродрома был плотнее...

Через два дня батальон, разделившись на две группы, пошёл к Молодечно. Шли день и ночь, избегая шоссежных дорог.

В одном из неравных боев под Минском погибла большая часть батальона. Небольшие разрозненные группы продолжили путь на восток. Но линия фронта отходила быстрее.

Владимир Дорогавцев с сослуживцем Иваном Химичевым подошли к станции Талька. Там им повезло: попали в хату к человеку, который не только организовал ночлег и накормил, но и переправил их в Мирадино к железнодорожнику Роману Сапегину. Утром Сапегин передел военных в свою, гражданскую, одежду, рассказал всё, что знал о Бобруйске и как пройти к его другу Исполиту Милову, который хорошо знает обстановку в городе.

Уже смеркалось, когда Дорогавцев и Химичев вошли в Бобруйск. Быстро свернули в узкую улочку и скоро оказались у заветной калитки.

Милов встретил знакомцев с подозрительностью, но когда узнал на них одежду своего товарища, разговорился и рассказал об обстановке в Бобруйске. О том, что фашисты угрожают расстрелять каждого, кто будет скрывать красноармейцев, командиров, коммунистов и советских активистов, которым надлежит явиться в комендатуру для регистрации, что в городе время от времени появляются кем-то распространяемые листовки, призывающие не верить фашистской пропаганде, вести с оккупантами беспощадную борьбу. Людей, оставлен-

ных для ведения подпольной работы, Милов не знал, но у него были свои надежные связи.

Через два дня у Дорогавцева и Химичева появились новые знакомые – из соседних домов – Александр Вержбицкий, Андрей Иванов, Степан Сорокин, Мария Масюк с дочерью Нонной, Нина Гриневич, учитель Александр Данилович Глинский.

Ещё через неделю Дорогавцев, воспользовавшись документами погибшего мужа Марии Масюк, вышел в город: осмотреться, оценить обстановку. Да, было так, как рассказывали Милов и новые знакомые. И они, Дорогавцев с Химичевым, могли накликать большую беду на тех, кто их укрывал. «Надо уходить!»

Но вечером в московской радиопередаче услышали призыв: надо развёртывать подпольную и партизанскую борьбу на оккупированной территории! И как-то сам собой вопрос об уходе за линию фронта отпал. Решили создать подпольную организацию.

28 июля 1941 года на квартире Сони Абрамович состоялось первое, организационное, собрание. По предложению Дорогавцева руководителем подпольной организации был избран Иван Химичев. Заместителем стал Владимир Дорогавцев. Распределили обязанности среди подпольщиков, определили явочные квартиры.

Дорогавцев обосновался совсем недалеко от немецкой комендатуры – на квартире Марии Масюк, молодой женщины, матери двух детей, муж которой недавно погиб на фронте. Химичев – у Нины Гриневич.

Первым делом Владимир и Мария изготовили поддельные документы. Дорогавцев, в армии некоторое время исполнявший обязанности писаря, знал толк в оформлении документов... Мария доставала клей, тушь, чернила, кислоту и хлорку, и Владимир с дочерью Марии, Ноной, изготовлял печати и штампы, переклеивал фотографии в паспортах, сочинял различного рода «справки» и пропуска.

Скоро обрисовался круг надёжных и подготовленных в военном отношении людей, жаждущих действий: командир артиллерийского дивизиона капитан Виктор Горбачёв, лейтенант-артиллерист Геннадий Гаврев, младший политрук Васи-

лий Голодов, лейтенанты Сергей Сыроквашин и Леонид Кольянов, сержанты Сергей Коншин, Владимир Яковенко, Петр Стержанов и Василий Тягунов, красноармейцы Василий Инюточкин, Александр Миронов, Павел Федорин...

Итак, «окруженцы» – бывшие командиры и красноармейцы Красной Армии – стали подпольщиками. Военные люди, они не могли ограничивать себя листовками и призывами, а сразу же стали готовиться к серьёзным боевым действиям.

Арсенал группы Химичева: более десятка винтовок, пистолеты, гранаты, несколько ящиков патронов, взрывчатка.²

*

Мария Болбас, учащаяся бухгалтерских курсов в Гомеле, на летнюю практику напросилась в Бобруйск, поближе к родной Слободке.

В первый же день войны Мария бросилась в военкомат: хочу на фронт. Там посмеялись: экая пичужка – и пойдет воевать! Мужики сами с фашистами справятся. Вон у нас какая большая армия, и через пару недель она будет на территории врага. Короче, иди, Маруся, домой.

Но когда через два дня девушка явилась в военкомат ещё раз, тональность разговора была иной:

– Ну что же ты умешь? Стрелять? Ходить за ранеными?

– Стрелять не умею, но научусь. Могу раненых перевязывать.

– Да, стрелять тебя научат. Вот что – пойдешь бойцом в истребительный батальон. Мы туда комсомольцев отбираем. Будешь уничтожать парашютистов и диверсантов. Под Бобруйском их сейчас много забрасывают.

Так Мария Болбас стала бойцом одной из рот истребительного батальона. Освоив винтовку и гранату, стала участвовать в уничтожении диверсионных групп врага. Довелось и пострелять. Двоих парашютистов уложила на месте: тащила взрывчатку к мосту через Березину.

² После войны подсчитают: таких групп, разрозненных и малочисленных, осенью 41-го было семнадцать: группы Ивана Химичева, Виктора Ливенцева, Петра Стержанова...

Горком партии занялся подбором людей для подпольной работы на случай вражеской оккупации города. Побеседовали и с Марией. Сказали: учить тебя, дивчина, подпольной работе уже некогда, так что жди, милая: наш связной тебя найдёт либо в Бобруйске, где ты живёшь на квартире, либо в твоей Слободке. Придёт – и все расскажет, научит правилам подпольной работы, и, главное, конспирации...

А с фронта поступали всё более тревожные вести. На утренних и вечерних зорях хорошо был слышен гул артиллерийской канонады.

Бобруйск стал прифронтовым городом: появились бумажные кресты на стеклах, плакаты-призывы на стенах зданий, потоки беженцев с рассказами о зверствах фашистов.

А вот и они – немцы. Уже в городе!..

Смеркалось, когда Мария вернулась в Бобруйск. Трудно было поверить, что родном городе хозяйничают враги.

Глухими переулками пробралась к дому, где снимала комнату, как практикантка. Хозяйка всплеснула руками: «Маша, голубка! Жива! Ой, зачем ты вернулась? Надо было уйти с нашими. Здесь сейчас такое творится!»

*

В конце июня 1941-го по «варшавке»³ шли отступающие части Красной Армии. Но очень скоро их сменили разрозненные группы и одиночки-бойцы.

И вот – идут колонны немецкой армии. Упитанные, кровь с молоком пехотинцы, мощные танки и самоходные орудия, мотоциклисты...

Оккупировав Бобруйск, гитлеровцы стали устанавливать «спокойствие и подчинение». Все коммунисты и комсомольцы, красноармейцы и командиры должны были зарегистрироваться в комендатуре. За невыполнение – расстрел. Впрочем, расстрел угрожал и за то, что кормишь и укрываешь советских военнослужащих и бежавших из плена.

Из бывших кулаков, уголовников, воров и прочих отщепенцев, которые добровольно предложили услуги оккупантам,

³ «Варшавкой» называли шоссе Москва-Варшава, проходящее через Бобруйск, Глушу, Старые Дороги, Слуцк.... Это шоссе будет часто упоминаться в этой книге.

была создана полиция. Предатели хорошо знали «кто есть кто» из местных жителей, и потому аресты носили почти массовый характер.

Кварталы на юго-восточной окраине города были отведены под гетто. Согнали еврейское население, предварительно отобрав все вещи. И ежедневно оттуда доносились выстрелы, истерические крики женщин и детей.

Отныне грабежи и насилия, повальные обыски, аресты, расстрелы, отправка в концлагеря стали буднями для жителей города...

Лагерь военнопленных размещался в мрачном, как тюрьма, трёхэтажном здании. Огороженное двумя рядами колючей проволоки, оно грузно сидело в центре огромного двора. По периметру лагеря торчали пулемётные вышки.

Фашисты издевались над военнопленными: избивали шомполами, травили собаками, выворачивали руки, раненым и больным не оказывалось никакой помощи, кормили какой-то баландой. И люди умирали сотнями – от мук, от голода. Мёртвые лежали под нарами, на лестницах, во дворе. По всему лагерю разносился трупный запах.

Вынырнули немецкие прихвостни, готовые за чуть лучшее питание выискивать среди пленных политруков, командиров и евреев. Но были люди, которые не поддались паническому настроению, не пошли на сделки с врагом. Старший лейтенант М.П.Юрьев организовал в лагере подпольную группу. Комиссаром стал Г.П.Савченко. Первым делом группа ликвидировала провокаторов и предателей, а затем стала готовить побег...

Наиболее крепких пленных лагерное начальство стало отбирать для отправки в Германию, обещая сытую и даже вольную жизнь. Добровольцев вкусить такой жизни набралось очень мало.

*

Марии Болбас повезло: она быстро установила связь с бобруйскими подпольщиками. И сразу же приступила к делу: пишет от руки и расклеивает листовки, а вскоре участвует в подрыве железнодорожного состава из десяти цистерн с горючим и восемь вагонов с авиабомбами.

...На тот подрыв пошли трое: Борис Пигулевский, Виктор Горбачёв и Мария. В момент проведения операции началась гроза, и охрана состава укрылась в сторожевой будке. Подпольщики уложили мешок со взрывчаткой на один из ящиков с авиабомбами, подожгли бикфордов шнур и бросились бежать... Огромной силы взрыв, огненное зарево от цистерн! – такое Мария никогда не забудет.

Ряды подпольщиков росли с каждым днём, и скоро понадобилось много оружия и боеприпасов.

Мария отправилась домой, в Слободку. Там ей предстояло собрать молодежь и заняться поиском оружия и боеприпасов для бобруйских подпольщиков.

ков.

Здесь я намерен подробнее рассказать о семье Марии Болбас, ибо в дальнейшем повествовании раскроется трагическая и героическая судьба этой семьи.

...Дед Марии по матери до революции был уездным старостой – довольно-таки заметная должность по тем временам, и ему за безупречную многолетнюю службу предложили дворянство. Как бы предвидя революционное развитие последующих событий, дед отказался от высокого статуса.

Пришла в Белоруссию советская власть – дед её признал. Новая власть его не тронула, ибо люди подтвердили, что как староста он им помогал, как мог, и защищал перед царской властью.

Но когда стали раскулачивать, раскулачили и деда: у него шесть лошадей, столько же и коров. (Правда, и семья большая!) Сарай со скотом закрыли на замки – и скоро оттуда стали раздаваться крики голодных животных. Болбасы, слыша все это, плакали. Дед не ел столько дней, сколько не были кормлены лошади и коровы. Внучат подсылали к деду: попробуйте покормить его. Не брал в рот ни крошки! (Характер деда, отмечали люди, передался внукам – своей совести, своим убеждениям они не изменяли. Это подтвердит Великая Отечественная.)

Дед, однако, был грамотным человеком. Написал письмо в Минск: дескать, согласно постановлению, должны раскулачивать только тех, кто наживал добро чужим трудом. А поскольку я наживал

всё сам, со своими детьми, и на меня никто чужой не трудился, никаких батраков у нас не было, то считаю, что раскулачиванию я не подлежу, и прошу приехать и разобраться. Послал с этим письмом сына в Минск.

Приехала комиссия, все проверила и вынесла решение, что раскулачиванию старый Болбас не должен был подлежать. Кое-что вернули. Но многое пропало.

Так что законы-то, оказалось, были справедливые, – размышлял старик, – да извращали их, подстраивая под себя «некоторые».

А отец Марии в гражданскую войну перешёл со своей частью на сторону красных. В конце 1919 г. два красноармейца привезли его, раненого и контуженного, в Слободку. Как красноармейцу сельсовет дал старую лошадь, и он поселился у соседа Григория Коршака в «ёвни» – маленьком помещении в гумне, где сушат лен. И стал упорно трудиться. Скоро стоял в Слободке большой новый дом на две половины (посередине сени с кладовкой), большой «ток», где хранят хлеб, добротные хлева, в которых стояли две лошади и две коровы, сенохранилище. Подрастал сад. В «голодомор» на Украине, Болбасы приняли в дом две семьи беженцев-украинцев.

*

А вот и Слободка. Из хаты выбежали мать, брат Максим и сестра Аня. Первые восклицания... Но мать есть всегда мать, и потому тут же «детки» услышали:

– Наговоримся, детки, потом. Сначала садитесь ужинать...

Запахи родной хаты взволновали Марию. Всё так приятно! Нет, наверное, война – это во сне.

На улице в два голоса прогорланили: «Шумел камыш, деревья гнулись...»

– Кому это так весело? – удивилась Мария.

– Предателям, чтоб земля под ними горела! – пояснил Максим и сплюнул в сердцах, вышел из-за стола и стал у окна.

– Немцы колхоз превратили в «общину». Старостой этой общины поставили какого-то Михолапа. Хлеб ещё не обмолочен, а половина и вовсе не скошена. Сосед Артём Пасько добровольно пошёл служить у немцев лесником-объездчиком. Вот они-то – Михолап, Пасько и его сын Гришка – пьют да гуляют. Сын такой же, как и отец, приноравливается жить с немцами. На станции Брожа стоит небольшой немецкий гарнизон. Так вот оттуда немцы приходят сюда, и Гришка устраивает им гулянки.

Максим – среднего роста, с правильными чертами лица, тёмными, немного вьющимися волосами, в роговых очках. Война застала его в университете в Минске. На фронт не взяли по состоянию здоровья. Пешком пришёл домой.

Аня, младшая сестра, когда немцы приближались к этим местам, с группой слободковских ребят отправилась пешком на восток. Но под Жлобином немецкие танки перерезали путь. Пришлось вернуться в Слободку.

От брата Мария узнала, что в Слободке кое у кого прячутся «окруженцы», бойцы и командиры Красной Армии.

– Но это же сила! – воскликнула Мария. – Можно создать подпольную группу, а то и партизанский отряд...

– Я уже пробовал говорить с ними об этом, – перебил сестру Максим. – Но у них только одна мысль в голове – как перейти через линию фронта.

Мария задумалась.

– А из партийцев, – продолжил Максим – я видел Щербича и Линчука.⁴

– Здорово! Все свои люди. А с Линчуком мы ведь пуд соли съели вместе.⁵

На следующий день Мария узнала от бывшего колхозного счетовода Ивана Михлюка, что у него «задержался» от сдачи немецким властям радиоприемник. Из небольшого опыта бобруйского подполья Мария знала, что радиоприёмник – это сводки Совинформбюро и листовки, это – правда о войне!

И в тот же вечер девушка прослушала сводку...

Утром жители Слободки из рукописных листовок на заборе узнали, что Красная Армия не разгромлена, что Москва не взята, что страна собирается с силами...

Мария сама для себя определила первое правило конспирации: сначала собери о человеке необходимые сведения, и только после этого выходи на встречу.

Вот старшина Красной Армии Василий Пузырёв. Он не смог выйти из окружения, застрял в Слободке и теперь всячески изыскивал пути к партизанам.

⁴ До войны Щербич Василий Антонович работал председателем Брожского сельпо, Линчук Михаил Сергеевич – механиком пункта механизации. В июне 1943 г. они стали соответственно командиром и комиссаром партизанского отряда им. Фурманова.

⁵ Линчуки в «голодомор» жили у Болбасов.

– Не отсиживаться я остался здесь. Я принимал присягу и должен с оружием в руках драться с немцами, – заявил Василий Максиму в присутствии Марии...

Мария раздумывала: «И чего это я тяну? Незачем ждать мне связного из Бобруйска. Да и будет ли он вообще? Ведь и так ясно, что надо делать: объединить людей в подпольную группу, вооружиться. И бить, бить фашистов».

В хате Ивана Михлюка Мария собрала всех тех, с кем встречалась до этого порознь, и повела речь о создании подпольной группы.

Первым откликнулся Василий Пузырёв:

– Правильно, Мария. Мы и так долго сидели и ждали с моря погоды. Пора действовать. Руководителем группы предлагаю избрать Марию. Не беда, Мария, что ты не военный человек и что это не девичье дело. Вон как ты нас всех объединила. Да и в боях с диверсантами побывала. Ты настоящий боец и даже командир. Если понадобится, то я, как военный, тебе помогу.

Итак, подпольная группа создана.⁶ На первом этапе, решили, разоблачать фашистскую пропаганду, срывать заготовки оккупантами сельхозпродукции, вовлекать военнослужащих, бежавших из лагерей военнопленных и «окруженцев», проживающих в деревнях, в борьбу с врагом, и постоянно собирать оружие и боеприпасы. Чтобы затем перейти ко второму этапу – диверсионной работе, а то и к партизанской борьбе.

*

⁶ В состав группы вошли: Мария Болбас (руководитель), Максим и Аня Болбас, Павел Михлюк, Василий Пузырев, Никифор Болбас, Константин Коршак, Мария Потапенко, Иван Пасько, Миханя Болбас. Штаб: Василий Пузырев и Максим Болбас. Штаб-квартирой стала хата Ивана Михлюка.

В первой половине июля в той же Слободке, в хате Василия Антоновича Щербича, собрались коммунисты и советские активисты, не успевшие эвакуироваться. Щербич ознакомил собравшихся с содержанием речи Сталина от 3-го июля, которую он прослушал по радиоприемнику.

«...Всё ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться. В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

– Да... Вот такие дела, – стал комментировать речь вождя Щербич. – Не знаю, как вы, но из речи Сталина я делаю вывод, что ждать скорого возвращения Красной Армии нам не следует. Выход у нас один: подаваться в партизаны.

– И ещё! – решился вступить в разговор Михаил Линчук. – Разве можно хлеб уничтожать?! Это же Хлеб! Хватит с меня «голодомора». А что будут есть местные жители и те, кто не успел эвакуироваться и беженцами застряли в деревнях и городах?.. А партизаны что будут есть?.. Хлеб можно спрятать от немцев. Но чтобы уничтожить! Нет уж...

– Согласен, – поддержал Линчука Щербич. – Хлеб мы будем прятать, и людей будем к этому призывать.

Но Линчук продолжал возмущаться:

– А леса сжигать зачем? Где же мы будем партизанить?

– И то, правда, – произнес кто-то из группы, – лес нельзя трогать.⁷

– А теперь приступим к главному, – произнес негромко Щербич. – Мы хотим создать партизанский отряд. Но где взять оружие? И потому, наверное, правильнее было бы сначала соз-

⁷ Ещё будет приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 0428 от 17 ноября 1941 года (немцы стояли у стен Москвы): «Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40 – 60 км в глубину от переднего края. Бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы... В каждом полку создавать команды охотников по 20 – 30 человек... При вынужденном отходе наших частей... обязательно уничтожать все без исключения населённые пункты». – **А.Т.**

дать подпольные группы, которые соберут оружие и боеприпасы, подберут надежных людей, и уже на этой основе создавать партизанский отряд.

– Верно! – это подал голос Александр Гаврилович Балахонов – довоенный директор Брожского леспромхоза, высокий, сухощавый человек. – Я уже подобрал себе **партизанскую группу** и буду с ней партизанить. А вы – создавайте подпольные группы в деревнях и держите с нами связь. Помогайте нам всем, чем сможете: оружием, боеприпасами и продуктами питания. И, главное, подбирайте надежных людей. А придет пора – прошу всех, тогда, к нам...

Тут же была оформлена **подпольная партийная группа**. Секретарем избрали Щербича, заместителем – Линчука.

Через два дня Балахонов со своей группой отправился в ратмировичские леса – партизанить.

*

В ночной темноте Мария Болбас постучалась в окно хаты Щербича...

Василий Антонович не видел Марию с тех пор, как та уехала на курсы бухгалтеров, но слышал, что она сейчас дома, в Слободке.

Щербич буквально забросал девушку вопросами. Его интересовали местные подпольщики. О том, что они есть в деревне, нетрудно было догадаться: время от времени появлялись листовки, призывающие к борьбе с оккупантами. И вот перед ним – «сам командир» подпольщиков.

Щербич слушает рассказ Марии...

–... По правде говоря, – заканчивала девушка, – мы пока ограничиваемся лишь тем, что с помощью листовок призываем сельчан срывать попытки немцев организовать заготовки сельхозпродуктов. Собрали немного и оружия.

– Ведь это же просто замечательно, – воскликнул Щербич и посоветовал Марии саботирование поставок продуктов прекратить: оккупанты пришлют карателей, и тогда будут большие и ненужные жертвы. А сейчас – надо бросить все силы на сбор оружия и на работу с жителями деревни...

На следующий день сельчане Слободки вдруг приступили к обмолоту хлеба. Староста был доволен: «Ага, сдались. Я выполняю распоряжение немецких властей!»

Обмолот был окончен через несколько дней, и староста уже торопился сдать хлеб немцам...

*

Жаркий августовский день был на исходе, когда группа Балахонова⁸ вошла в Слободку. Балахонов – высокий, сухощавый, подпоясан ремнём с командирской португеей, с маузером в кобуре на правом боку.

Жители восторженно встретили балахоновцев: это были первые партизаны, первая большая вооруженная группа, которая могла защитить их. Старики доставали кисеты, приглашая угоститься самосадам. Женщины, всхлипывая, засыпали Балахонова и его окружение вопросами, и наперебой рассказывали о том, что довелось видеть, слышать...

Когда Балахонов сообщил селянам о распределении между ними колхозного имущества, хлеба и скота, те в один голос заявили: нет, заберите всё себе, своим бойцам-партизанам, а у нас немцы всё равно отберут. Мы уж как-нибудь на бульбе перебьёмся.

– Нет, – не согласился Балахонов, – так дело не пойдет. Вам тоже надо есть. Впрочем, давайте поступим так: разделим хлеб между вами, селянами, по трудодням. А то, что останется, мы, партизаны, заберём с собой. А немцам скажете, что весь хлеб, до зернышка, забрали партизаны. Лады?..

Балахонов отвел Марию Болбас в сторону – подальше от посторонних глаз.

– Мария, мне Щербич рассказал о тебе и твоей группе. Какие вы молодцы! Вы нам, такие, очень нужны. Мне надо вооружить, обусть, одеть и прокормить моих бойцов. Знаю, что тебя сюда, в Слободку, направили бобруйские подпольщики – на поиск оружия. Может, и мне что-нибудь выделишь? Твой брат Максим пусть будет связным между мной и твоей группой, Я

⁸ В эту группу входили: Иван Гатальский, Михаил Гутковский, Иван Дашковский, Петр Дыченко, Виктор Пелагейко, Арон Хархурин, Аркадий и Сергей Рассохи, Михаил Зайцев, Михаил Линчук, Григорий Носов, Леонид Резник, Иван Сергейчик, Максим Царик, Василий Щербич, Владимир Митялин, Иосиф Липовский, Александр Рыбаков.

дам ему явку на станции Мошны к Василию Осипову и в Ратмировичи – к Наде Сакович.

Распределив колхозное добро между крестьянами и партизанами, группа Балахонова собирается в путь. Партизан Леонид Резников впрягает коня в дрожки старосты Слободки, бежавшего при появлении партизан. К нему подходит Владимир Митялин, бывший старший лейтенант-пограничник:

– На этой «коляске» мы установим пулемёт «максим», и ты с сегодняшнего дня будешь ездовым при пулеметной тачанке. «Чапаева» помнишь?! То-то!

Ночью отряд Балахонова покинул Слободку. С ними ушли почти все «окруженцы» Слободки. С оружием, собранным подпольщиками – ручной пулемет Дегтярева, десять винтовок и большое количество патронов. Только Пузырёва Мария попросила остаться – учить подпольщиков военному делу.

*

Тёмной сентябрьской ночью Мария Болбас повела свою группу к западному берегу Березины – в район Парич. Там в июле проходили большие бои, и, как сказывали местные жители, в лесу полно брошенного оружия и боеприпасов.

Шли гуськом глухими лесными тропами.

К началу рассвета прибыли на место. Передохнув, занялись поиском.

За четыре часа подобрали около двадцати винтовок, более трёх десятков гранат и много патронов.

Всё, что смогли унести, взяли с собой, остальное спрятали там же, в лесу. И быстро в обратный путь.

Вернулись к дороге Бобруйск – Паричи. Осмотрелись – и быстро перебежали. Отошли ещё немного – и устало бросились наземь. Привал!

И тут же услышали со стороны Парич стрекотание мотоцикла.

– Немцы, – растерянно прошептала Аня Болбас.

– Никакой паники, ребята, – как можно спокойнее сказала Мария и, взглянув на Пузырёва, спросила:

– Ну, как, товарищ старшина? Встретим немцев?

– Может, не стоит? – заметил Павел Михлюк. – На нас висит столько оружия! А ввяжемся – так может случиться, что придётся его здесь оставить.

– Волков бояться – в лес не ходить. Наша задача – бить немцев, а тут они к нам сами идут, – загорелся предвкушением предстоящего боя Пузырёв.

– Ну, тогда, Пузырёв, командуйте, – не то попросила, не то скомандовала Мария. – Теперь вы командир.

Тот оценивающе окинул поле предстоящего боя:

– Отлично! Как раз на повороте.

Быстро расставил ребят по огненным позициям и уверенным командирским голосом скомандовал:

– Приготовиться к бою! Стрелять только по команде...

На дороге показался мотоцикл с двумя гитлеровцами. Приближается...

– Огонь!..

Сидевший в коляске офицер уронил голову на грудь, съехал набок водитель – и мотоцикл по прямой влетел в кювет.

Только хотели ребята подобрать оружие и документы убитых, как Максим Болбас резким движением руки остановил:

– Стой! Слышите?..

Все разом повернули головы в сторону Парич.

В лесу нарастал рокот моторов.

Вскоре на дорогу выполз грузовик, за ним другой...

– Надо уходить, – сказала Мария.

Молодежь бросилась в глубь леса. Отбежали метров пятьсот – затрещали автоматные очереди.

Возбужденный Костя Коршак радостно заметил:

– А винтовочки наши, браточки и сестрички, метко бьют.

В километре от Слободки подпольщики спрятали оружие в лесу и направились к деревне. Вдруг услышали впереди неторопливый приглушенный разговор. Какие-то люди шли по проселочной дороге в их сторону.

Прятаться было уже поздно.

Шли два человека с автоматами, поверх одежды маскхалаты, на пилотках красные звездочки. Один высокий, с продолговатым лицом, другой пониже, коренастый, с надвинутой почти до самых бровей пилоткой. «Похоже, окруженцы».

Неизвестные⁹ подошли к ребятам вплотную, поздоровались. Высокий каким-то образом сообразил, кто здесь старший, ибо сразу обратился к Марии:

– Кто вы?

– Мы... Мы – из Слободки, – ответила Мария.

– А здесь зачем?

– Грибы собираем, – лукаво улыбнулась Мария.

– Может, вы партизаны?

– Партизаны с оружием, а у нас как видите...

– И то правда! – теперь улыбнулся высокий.

– А вы кто такие? – в свою очередь спросила Мария.

– Свои, девушка! Свои, красавица!

Из полевой сумки высокий достал свёрток и протянул Марии. Ребята обступили девушку, развернув свёрток, увидели газету «Правда» от 8 сентября 1941-го.

– Ух, ты!

– Ну, вот что, ребята, о нас ни гу-гу! – строго предупредил высокий. – А газету возьмите с собой, прочитайте своим сельчанам.

Домой парни и девчата вернулись усталые, голодные, но счастливые – от первого боевого крещения и встречи с десанниками. Но не успели подпольщики у себя в хатах присесть за обеденные столы, как из брожского гарнизона нагрянули немцы с полициями, ходили по дворам, и тщательно осматривали хаты, сараи и погреба. Искали десантников.

Не найдя, согноли жителей в одну толпу. Затем вывели всех мужчин.

⁹ То были, как впоследствии выяснится, Алексей Харламов и Владимир Шпрыгов – сержанты-десантники, заброшенные в тыл в составе группы из 12 человек. Десять человек к описываемому моменту погибли. Через полгода Мария Болбас встретит Харламова и Шпрыгова в партизанском отряде... Шпрыгов будет последним командиром отряда им. Кирова, Харламов – комсомольским вожаком и лучшим подрывником отряда.

Перед толпой немецкие автоматчики. Лишь семья полиция Артема Пасько стояла в стороне, при ней – сам Артём с винтовкой.

Начальник брожской полиции Чирей подбежал к молодому офицеру с «железным крестом» на груди и стеклом в правой руке.

– Господин обер-лейтенант, мы всё обыскали! Нигде не нашли.

Офицер, оказалось, свободно изъяснялся на русском языке. Обратился к толпе:

– Нам известно, что вы укрываете советских десантников.

Толпа не шелохнулась.

Офицер приблизился к ряду мужчин.

– Кто из вас есть парашютист?

Подошёл к Михаилу Болбасу, родственнику Марии: тот одет в поношенную военную одежду.

– Ты есть десантник?

Михаил отрицательно махнул головой.

– Ты сказал неправду! – офицер начал поднимать стек. – Иди сюда.

Михаил шагнул из ряда.

– Сюда, сюда! – офицер показал жестом, чтобы тот стал рядом с ним.

Михаил подошел. Обер-лейтенант поднял стек еще выше. Михаил взглядом сопровождал движение стека.

– Ты парашютист?

– Нет.

– Он наш, местный! – закричали жители.

Анна Коршак крикнула полицая Артёму Пасько:

– Артём, скажи офицеру, что Миша твой сосед!

Но тот молчал...

Стек со свистом опустился на плечо Михаила. Михаил выдержал удар, и даже улыбнулся.

Офицер озлобился, стал наносить удары один за другим. На помощь ему бросились Чирей и полицай Шах. Повалив Михаила, они стали бить его сапогами.

Когда полицаи отошли от парня, офицер крикнул:

– На колени!

– Нет, уж! Буду стоять! – громко крикнул Михаил.

Обер-лейтенант перекинул стек в левую руку, выхватил из кобуры пистолет и направил на Михаила.

– Скажи правду: ты есть десантник?

– Нет.

– А где они?

– Не знаю.

Грянул выстрел. Михаил не упал, а, широко раскинув руки и спотыкаясь, стал надвигаться на обер-лейтенанта.

Офицер попятился, крикнул:

– Стой!

Михаил продолжал идти.

Один из ближайших к офицеру солдат вскинул автомат и нажал на спуск...

«Один десантник ликвидирован» – было доложено в Бобруйск.

*

В Бобруйске по утрам немецкие патрули обнаруживали трупы убитых солдат и офицеров.¹⁰ Однако первым серьезным делом бобруйских подпольщиков было организация побега около ста военнопленных из Бобруйского лагеря.

...Пленных в лагере было несколько тысяч. Ежедневно сотни из них погибали в нечеловеческих условиях.

Узнав, что немцы пока беспечно относятся к охране пленных в лагере и рабочих команд, выводимых за лагерь, подпольщик Сергей Коншин проник на территорию лагеря, связался с надежными людьми среди военнопленных и организовал их побег. Часть беглецов осталась в лесу для партизанской борьбы, остальные направились к линии фронта, чтобы перейти к своим.

¹⁰ Героическая борьба бобруйских подпольщиков отражена в книгах и статьях самих участников подполья: Химичев И.А. В борьбе и тревоге. Минск, «Беларусь», 1977; Ливенцев В.И. Партизанский край. Минск, «Беларусь», 1983; Яковенко В.К. Партизанские орлята. М., Военное издательство, 1984; Яковенко В.К. Партизанки. Минск, Беларусь», 1989; книги из серии «Памяць». – **А.Т.**

Тот же Коншин блестяще справился с заданием уничтожить склад горючесмазочных масел на станции Березина.

Взлетел в воздух склад боеприпасов у аэродрома («работа» Степана Сорокина, Виктора Горбачёва и Владимира Дорогавцева).

Пища, которую приняла немецкая воинская команда, оказалась отравленной (также «работа» Сергея Коншина).

В канун праздника Октября взлетел красный флаг над биржей труда (вывешивал Василий Голодов, подстраховывал внизу Владимир Дорогавцев).

Аресты и расстрелы, проводившиеся оккупантами в первые месяцы оккупации, были только прологом массового уничтожения мирных граждан – в канун 24-й годовщины Октябрьской революции.

Утром 6-го ноября фашисты вывели всё население гетто и колонной, растянувшейся на многие кварталы, плотно оцепленной со всех сторон конвоем, погнали за город. Несчастных провели к месту, где были выкопаны специальные траншеи, и партия за партией расстреливали. Отчаянно кричали женщины, надрывались от плача дети... На месте садистской акции потом долго шевелилась земля.

Комендант лагеря ждал команду на отправку отобранных военнопленных в Германию, но высшее командование по каким-то причинам то ли отказалось от затеи, то ли не смогло предоставить транспорт. И тогда оккупанты решили уничтожить пленных, организовав пожар в лагере.

7 ноября 1941 г. ещё с ночи шел снег. В разбитые окна казарм залетали пушистые снежинки. Холодно. На нарах и на полу, тесно прижавшись друг к другу, предутренним сном спали истощённые голодом пленные, многие надрывно кашляли, стонали.

На рассвете в оконные дыры пополз едкий, удушливый дым. Пленные очнулись от воплей: «Пожар!.. Горит крыша. Подождли, сволочи!» (Накануне вечером под видом краски был доставлен материал для поджога.) И люди бросились бежать – с третьего этажа вниз. Когда огонь охватил второй этаж, пленные стали выбрасываться из окон – несколько тысяч человек не могли сразу выйти на улицу.

Во дворе, огороженном колючей проволокой, столпились уже тысячи уцелевших пленных. По другую сторону ограждения стояли солдаты с автоматами. И те и другие смотрели на пылающее трехэтажное здание.

Но вот раздался стук пулемета...

С чердака двухэтажного дома, что напротив лагеря военнопленных, Дорогавцев видел: со стороны лагерных ворот по пленным строчил пулемет. Толпа бросилась вправо. Но и оттуда ударил пулемет, толпа отхлынула влево – и здесь пулемет. А затем – автоматные очереди.

Пленные, теряя рассудок, бросались на колючую ограду и тут же погибали, пораженные током. А пулеметы и автоматы строчили и строчили...

Только к вечеру в лагере прекратилась стрельба. Огромный двор лагеря был завален телами погибших пленных. Но и живых было всё ещё много. Тогда убийцы вместе с трупами стали бросать в кузова машин тяжелораненых. Машины направились в сторону деревни Каменки. Там их сбрасывали во рвы.

А уцелевших, способных ещё передвигаться, пленных немцы колонной погнали за город по «варшавке» – в сторону Старых Дорог. После Глуши, а это тридцать километров от Бобруйска, вести было некого...¹¹

*

Узнав о расстреле пленных на шоссе, Химичев собрал руководителей подпольных звеньев. Решено было на террор ответить террором – в ночь на 9-е ноября напасть на двухэтажное здание школы, где остановилось на отдых немецкое воинское подразделение, направляющееся на фронт. Дорогавцев ещё раньше присматривался к школе, неоднократно разведы-

¹¹ Всего в лагере и на шоссе фашистами было уничтожено свыше пятнадцати тысяч военнопленных.

вал подступы к ней, разработал план нападения и ждал подходящего момента. И этот момент, кажется, наступил.

В комнате Горбачева собрались те, кто будет участвовать в операции. Тесно сидят, кто на скамейке, кто на полу.

Химичев снял нагар у светильника, стало немного светлее.

– Это будет наше первое открытое вооруженное выступление против оккупантов. Кто-то из нас может погибнуть, но война есть война...

Город окутал туман. Подпольщики постояли во дворе, прислушиваясь к ночи: по железнодорожному мосту прогремел поезд, где-то глухо прострочил автомат, невдалеке прошел, чавкая сапогами, патруль.

– Выходим, – прошептал Химичев.

Задворками подошли к школе, притаились за углами построек.

Горбачёв и Коншин бесшумно сняли часового.

Приблизились к школе.

По команде Химичева в окна полетели гранаты.

Один за другим раздались взрывы. Школа запылала. Пламя осветило отчаянно кричавших и бросавшихся в панике туда-сюда солдат и офицеров. Они, полураздетые, выскакивали на улицу – и тут же попадали под прицельный винтовочный огонь подпольщиков...

Было уничтожено семнадцать офицеров и солдат. В здании сгорело немало фашистского имущества, оружия и боеприпасов.

К утру все жилые кварталы, прилежащие к школе, были оцеплены жандармами с овчарками. Проверялись каждый дом, строение, подвал, у каждого жильца – документы. Нет, не нашли – ни «бандитов», ни оружия.

По всему городу вполголоса, но с надрывом восторга, рассказывали друг другу жители о дерзкой акции народных мстителей.

Гестапо бросило все силы на раскрытие подполья, и одному из его агентов удалось напасть на след группы Химичева...

Подпольщикам стало известно, что в гестапо составляются списки на аресты. Выход один – подаваться в партизаны.

Вечером 25 декабря 1941-го на станцию Мошны, что на ветке однопутной железной дороги Бобруйск-Старушки¹², прибыла из Бобруйска группа подпольщиков во главе с Иваном Химичевым. Разместились в четырёх хатах.

После ужина собрались в помещении бывшего клуба, рассказали жителям о том, что видели и пережили в Бобруйске. Жители, в свою очередь, поделились своими новостями, рассказали всё, что знали, о ближайших немецко-полицейских гарнизонах.

Всю ночь вместе с часовыми-подпольщиками патрулировали и добровольцы из местных жителей.

Утром подпольщики двинулись дальше – на станцию Ратмировичи, к партизанам Балахонова.

Рядом с железной дорогой, на взгорке, раскинулся небольшой станционный посёлок. На крыльце крайней избы появились двое. Судя по тому, как все перед ними расступились, подпольщики поняли, что это и есть начальство.

Высокий и сухощавый – «командир, наверное?» – был подпоясан ремнём с командирской портупеей через плечо. Даже бывшие военнослужащие невольно залюбовались, глядя на его молодцеватую фигуру, на то, как ладно и даже с шиком сидит на нём пригнанное военное обмундирование.

Командир строго спросил:

– Что за люди?

Химичев по-военному, руки по швам, представился и назвал связных, через которых был найден отряд.

– Подпольщики из Бобруйска, говоришь. – Уже доверительно стал говорить командир. – А военных среди вас много?

Химичев стал представлять: Голодов – младший политрук, старшина Дорогавцев – бывший помощник начальника продовольственной службы, лейтенант-артиллерист Гаврев, ещё подойдет лейтенант Сыроквашин – бывший командир разведки стрелковой дивизии, и с ним сержант-разведчик Коншин.

¹² К описываемому моменту эта ветка не действовала: ещё летом над ней «поколовали» отступавшие подразделения Красной Армии и различные партизанские группы.

– Ведь это же, хлопцы, просто замечательно! Вы нам позарез нужны, – потирал рука об руку командир, и тут же представился:

– Балахонов Александр Гаврилович! Кто из местных, тот должен знать меня: я до войны работал в Брожском мехпункте.

Затем, обведя взглядом своё окружение, продолжил:

– А это (Балахонов кивнул в сторону человека в белом полушубке) – мой комиссар, Липовский.

Химичев продолжил представлять своих людей: Георгий Белько, Александр Вержбицкий, Александр Глинский, Александр Жаровский, Андрей Иванов, Василий Инюточкин, Алексей Кудашев, Александр Миронов, Анатолий Платоненко, Степан Сорокин, Виктор Пелагейко. Есть и девчата: Соня Абрамович, Нина Гердий, Мария Масюк... Всего двадцать два человека.

Балахонов взволнован, потирает рука об руку:

– Вот зададим мы немчуре перца под хвост! Ну, держись!

Дорогавцев решил дополнить Химичева:

– Разрешите?.. Вообще-то, товарищ командир, есть большие скрытые резервы для создания партизанских отрядов. Бобруйск разбух от мужиков «военного покроя». Во-первых, вы сами знаете, в июне плохо была проведена мобилизация: люди просились на фронт, а военкоматы не управлялись. Во-вторых, некоторые «окруженцы» из коренных бобруйчан вернулись домой. В-третьих, часть красноармейцев, что убежала из плена или была выкуплена местными жителями и подпольщиками, теперь прячется в домах. В-четвертых, немало мужиков подошли в город из прифронтовых деревень. А лагеря военнопленных! – вот откуда в первую очередь надо извлекать людей: кто *там* побывал, тот, получив оружие, уже его не выпустит.

– Да, будем думать над этим, – сказал Балахонов то ли в ответ Дорогавцеву, то ли про себя и для себя. – В общем, так, товарищи партизаны, я беру на себя командование всеми группами. Мы теперь **партизанский отряд**.

Балахонов выдержал паузу, над чем-то размышляя, затем продолжил:

– Химичев, вы будете моим заместителем, значит, заместителем командира отряда. Липовский – комиссаром отряда, Линчук – командиром взвода разведки. Есть ли возражения?

Подошёл к Дорогавцеву:

– Ну а вы, раз были в армии помощником начпроба, будете моим помощником по хозяйственной части. Хотя, судя по вашим толковым замечаниям, из вас вышел бы хороший политрук. Ладно, со временем разберемся.

*

Узнав от связного Василия Осипова, что в Мошнах объявились немцы из Парич – около тридцати солдат на десяти крестьянских санях, Балахонов повёл отряд из Ратмирович в Мошны.

Было около часа дня, когда отряд лесными тропами приблизился к Мошням. Посоветались, откуда лучше напасть на врага. Решили: со стороны леса.

Грянуло дружное «ура!» Это партизанский отряд Балахонова бросился в свою первую атаку.

Стремительным броском партизаны ворвались в посёлок. Противник в панике бежал, бросив награбленное и едва успев подобрать своих убитых и раненых.

Местные жители встретили партизан радушно. В каждой хате угощали победителей.

Вечером собрались на совещание.

– Итак, товарищи, – начал Балахонов, – в этой скоротечной схватке мы вышли победителями. И впредь только так нам надо воевать. Стремительным броском и сокрушительно! Поздравляю!

Однако Сыроквашин – лейтенант, бывший войсковой разведчик – высказал недовольство:

– Товарищ командир, нам просто повезло. Ну, нельзя идти в бой без должной разведки.

Балахонов тут же возразил:

– Быстрота и натиск компенсируют нам многое. Теперь ставлю новую задачу: разгромить брожский гарнизон. Насколько мне известно, там – около пятидесяти солдат. На вооружении у них один станковый и три ручных пулемёта, автоматы и винтовки. Главная огневая точка – на чердаке двухэтажного здания казармы.

Тут же разработали план операции. Чтобы на мотовозе не подъехала помощь из Бобруйска, Василий Щербич с груп-

пой подпольщиков из Слободки должен оборвать телефонную связь и взорвать железнодорожный мост через речку Брожка. Группа Линчука должна уничтожить всё оборудование мастерской. Пулемётчикам Инюточкину и Хархурину – стрелять по чердаку и уничтожить пулеметчика. Всем остальным бойцам – двумя группами, слева и справа – предстояло штурмом овладеть казармой. Эти группы возглавят Химичев и Сыроквашин.

Поздно ночью отряд, покинув Мошны, направился к Броже. Крепкий мороз поднимал облаком дыхание людей, на одежду ложился иней, под ногами сильно скрипел снег.

Подошли к окраине Брожи – станционного посёлка. В центре посёлка, на взгорке, в двухстах метрах от построек, здание казармы неприятеля. От казармы то и дело взлетали осветительные ракеты и постреливал пулемёт.

«Подойти к казарме незаметно не удастся» – понимал Балахонов, понимали это и бойцы отряда.

Штурмовые группы задворками, прячась за постройками, пробирались к зданию.

Только вышли группы на открытое пространство, как ракета осветила поселок и партизан. Застрочил пулемёт с чердака казармы. Залегать было уже поздно. И партизаны слева и справа бросились к казарме. По ним ведут огонь из окон казармы пулеметы.

Партизаны залегли, и теперь то тут, то там отдельными небольшими группами где ползком, где перебежками приближаются к казарме.

Партизанские пулеметчики Василий Инюточкин и Арон Хархурин меткой стрельбой заставили замолкнуть станковый пулемёт противника, что размещался на чердаке казармы. Но подойти вплотную к казарме всё равно было невозможно из-за убийственного огня пулемётов из окон здания.

Со стороны моста ухнул взрыв: это сработала группа Щербича. И тут же, по командам Химичева и Сыроквашина, штурмовые группы побежали в полный рост к казарме. Бойцов, казалось, несли не ноги, а крылья.

Не выдержав партизанского напора, лишённые своей огневой поддержки, немцы и полицаи выбегали из здания и удирали...

Овладев зданием казармы, партизаны организовали круговую оборону.

А группа Линчука занималась мастерской. За два часа были уничтожены отремонтированные бронетранспортёры, станки и контрольно-измерительные приборы.

Забрезжил рассвет, и отряд Балахонова двинулся на свою базу – в Ратмировичи. Вместе с ним из родного посёлка Брожи ушли шесть человек – новое пополнение отряда.

Настроение у всех приподнятое, радостное. Ещё бы! Разбили противника без потерь! А у того есть потери.

Эти два боя, в Мошнах и Броже, стали боевым крещением отряда Балахонова.

*

Жители деревни Барбарово прятали большое количество хлеба и скота. Об этом узнали немцы и, предупредив местного старосту, что намереваются отпратить всё это добро в Германию, потребовали наладить его должную охрану.

Крестьяне обратились за помощью к Балахонову.

Отряд Балахонова перекрыл все подходы к деревне.

У колхозных амбаров собрали жителей деревни на митинг. Некоторые партизаны были в шинелях и полушубках, и потому сельчане приняли отряд за советских десантников.

Младший политрук Василий Голодов со складского крыльца сообщил собравшимся о разгроме немцев под Москвой – и такое наступило оживление, такая радость на лицах появилась! Наверное, впервые за полгода люди не были так счастливы: вот она, долгожданная, весть!

– Всех, кто хочет с оружием в руках бить фашистов, мы зовём в наши ряды, – объявил торжественно Балахонов. – Часть колхозного добра: хлеб и скот, имущество вы оставите себе, остальное мы увезём с собой. Нам, партизанам, тоже надо есть. Есть, чтобы бить немцев и их прислужников.

Через три часа крестьянские закрома были заполнены, партизанский санный обоз загружен. А чтобы не навлечь на жителей мести со стороны гитлеровских карателей, партизаны подожгли заброшенный старый сарай: мол, здесь не обошлось без «бандитских» угроз и насилия.

Вместе с партизанами из Барбарово ушли семь местных жителей – пополнение отряда. Таким образом, в *партизанском*

отряде Балахонова насчитывалось 47 человек (два взвода: старшего лейтенанта-пограничника Митялина и старшего лейтенанта Романа Максименко), и на вооружении были: 1 станковый пулемет, 2 ручных пулемета и 34 винтовки.

*

Группа бобруйских подпольщиков Ливенцева вблизи Ратмирович задержала подозрительного мужчину.

«Уж не послан ли он немцами или полицией?».

Но когда человек убедился, что перед ним «свои», то, распоров подкладку пальто, достал направление Полесского подпольного обкома партии – на организацию партизанской борьбы.

Ливенцев присвистнул:

– А я его уже изготавился пустить в расход. Ведите к Павловскому...

И вот теперь в Ратмировичах к Балахонову подводят этого человека.

– Храпко Николай Борисович – уполномоченный подпольного обкома партии по организации партизанского движения в районе. Вам большой привет от Павловского. Есть и записка от него.

Записка была такого содержания: *«Гов. Храпко Н.Б. назначается комиссаром вашего отряда. Липовского прошу направить в мое распоряжение. Павловский¹³»*.

О себе Храпко рассказал, что он из местных, из деревни Берёзовки, там родился, там учился, и там работал.

...С 5-ти лет Коля Храпко из всех силенок помогал матери: отец, Борис Алексеевич, был в германском плену. Когда отец вернулся, ему было лишь 11 лет. Коля помогал отцу строить дом, делать

¹³ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 августа 1941 г., то есть в начале войны, Бумажков Т.П. и Павловский Ф.И. первыми из партизан Великой Отечественной войны были удостоены звания Героя Советского Союза. Они действовали в районе рассматриваемого в этой книге «клочка». **Отряд Тихона Бумажкова** («Красный Октябрь») 18 июля *совместно с армейским батальоном* нанес ночной удар по немецкой дивизии и ее штабу в деревне Оземля, убито 80 солдат и офицеров; захвачено 55 автомашин, 2 радиостанции, 27 мотоциклов, штабная документация. Вскоре отряд *самостоятельно* напал на танковое подразделение, форсировавшее реку. Взорвав мост, партизаны забросали врага гранатами и бутылками с горючим. 15 вражеских танков и столько же бронемашин было выведено из строя. В это же время **группа Федора Павловского** подорвала четыре железнодорожных моста, уничтожила штаб немецкой дивизии в Глуше.

мебель, хозяйствовать – пахать, косить... Способного к учёбе в школе, его, при образовании колхоза в Берёзовке, назначили счетоводом, направили учиться на бухгалтера. Некоторое время работал бухгалтером в Холопеничской МТС, а затем переведён в Мозырь в областное управление сельского хозяйства. Там 21-го июня 1941-го, за один день до начала войны, вступил в партию. С первых дней войны в составе истребительного батальона принимал участие в борьбе с вражескими парашютистами и диверсантами. Затем, уже в тылу врага, в составе партизанской группы нападал на колонны врага. Рассчитывал уйти за линию фронта, но подпольный обком партии оставил его для организации партизанской борьбы на Полесье.

Не хотелось расставаться Балахонову с Липовским. Но приказ Павловского есть Приказ.

